
Оглавление

От редакции	6
-----------------------	---

Часть I. Иван Осокин

Глава 1. Прощание	11
Глава 2. Три письма	13
Глава 3. Человек в синем пальто	15
Глава 4. Конец романа	16
Глава 5. У волшебника	17

Часть II. Жизнь (Линга Шарира)

Глава 1. Утро	25
Глава 2. Мысли	29
Глава 3. Прошлое	32
Глава 4. Сон	37
Глава 5. Гимназист	41
Глава 6. Мать	43
Глава 7. Понедельник	47
Глава 8. Действительность и сказка	50
Глава 9. Наказанный	55
Глава 10. Скука	57
Глава 11. Зевс	59
Глава 12. В больнице	62
Глава 13. Дома	66
Глава 14. Танечка	68
Глава 15. Дядя	76
Глава 16. Чертова механика	81
Глава 17. Париж	85
Глава 18. Зинаида	91
Глава 19. Неизбежное	99
Глава 20. Зимний день	102

Часть III. Старое и новое

Глава 1. Колесо жизни	109
Глава 2. У порога	114
Заключение	119

Приложение. Заключительные главы английского издания «Strange life of Ivan Osokin»

Глава 27. В преддверии	123
Глава 28. Вместо эпилога	132

От редакции

Если бы вам предложили прожить жизнь заново, как бы вы использовали эту возможность? Герой повести Успенского Иван Осокин с помощью волшебника возвращается на двенадцать лет назад, в школьные годы. Он надеется изменить свою судьбу и избежать тех ошибок, которые привели его в конечном итоге к мысли о самоубийстве. Но, попав в годы своей ранней юности, Осокин шаг за шагом проходит все тот же путь, что и в первой жизни. Есть ли выход из этого замкнутого круга? Волшебник, к которому вторично попадает герой, отвечает утвердительно.

Перед вами книга Петра Демьяновича Успенского «Странная жизнь Ивана Осокина». Это единственное художественное произведение автора. Под названием «Кинемодрама» оно впервые было напечатано в России в 1915 году, когда Успенскому исполнилось тридцать семь лет. И вновь он обращается к повести в конце жизни, переписывает по-английски и дает настоящее название. В 1947 году «Странная жизнь Ивана Осокина» выходит в лондонском издательстве.

Вы познакомитесь с русским вариантом повести. Ее текст напечатан по изданию 1917 года, озаглавленному «Кинемодрама (не для кинематографа)». Оккультная повесть из цикла идей „Вечного возвращения“». В приложении помещены две последние главы из английского издания (в русском варианте соответствуют последней главе и заключению), подвергшиеся значительной переработке и отразившие эволюцию в мировоззрении автора.

Для того чтобы понять, что заставило Успенского изменить последние главы, необходимо проследить основные этапы в развитии его взглядов.

Успенский родился в Москве в 1878 году. Он получил математическое образование, позже изучал биологию и психологию. Довольно рано начал печататься в журналах. С 1907 года Успенский подробно изучает теософскую и оккультную литературу — труды Елены Блаватской, Анни Безант. Он открывает для себя, что существующий мир является лишь частью общей системы, недоступной для восприятия обычного человека. Он погружается в необычные эксперименты, которые «выводят его далеко за пределы познаваемого и возможного»*. Успенский понимает, что человеку могут открыться иные возможности, которые помогут ему выйти из-под множества влияний законов внешнего мира и приобрести большую свободу в выборе своей судьбы.

* Успенский П. Д. Новая модель Вселенной. СПб., 1993. С. 16.

В этот период и появляется его повесть «Странная жизнь Ивана Осокина», герой которой отчаянно желает повторить и таким образом исправить свою неудавшуюся жизнь. Ему предоставляется такая возможность, но, не понимая причин и общих законов, управляющих миром, он и второй раз повторяет все свои ошибки, приходя к тому же печальному результату — мысли о самоубийстве. «Что же делать?» — восклицает герой. Помогающий ему в превращениях волшебник говорит, что ответ есть, но оставляет Осокина самого искать его.

Так и Успенский, отвечая на вопрос «Что же делать?», понимает, что должен быть какой-то метод, объясняющий мировые законы и позволяющий уменьшить их влияние на человека. «Одно мне очевидно, в одиночку я не смогу сделать ничего», — пишет Успенский*. Мысли его обращаются к древним школам. Он отправляется в путешествие по Западной Европе, затем по Востоку. Но несмотря на обилие информации, полученной в путешествии, ответ на вопрос о методе, на вопрос «Что же делать?» так и не найден.

Весной 1915 года происходит внешне случайная встреча Успенского с Георгием Ивановичем Гурджиевым, которая определит направление всех дальнейших его исканий. Гурджиев дает ему знания о законах мира, частью которого является человек, и практические методы развития способностей человека, которые обеспечивают его осознанную связь с этим миром.

Гурджиев строил свое учение по принципу восточных школ, где очень важно беспрекословное подчинение ученика Учителю до тех пор, пока ученик не приобретает способностей, позволяющих ему развиваться самостоятельно. Гурджиев сохранил и само название — Школа, по аналогии с обычной школой, главная цель которой — обучение. Но в отличие от восточных школ у Гурджиева человек мог работать и в «миру», не уходя от обычной жизни.

Работа под руководством Гурджиева над овладением системой продолжалась до 1918 года. С лета 1918 года Успенский, по его словам, начинает чувствовать, что или он перестает понимать Гурджиева, или взгляды Гурджиева изменились. Он продолжает встречаться с Учителем, но старается избегать продолжительной совместной работы.

В 1924 году Успенский отходит от Гурджиева, объясняя это тем, что начинает отделять личность Гурджиева от его системы, в идеях которой он не усомнился ни на минуту. С этого момента и до конца жизни Успенский работает самостоятельно: читает лекции, ведет группы учеников.

В 1947 году, в последний год жизни, он вновь обращается к своей давно опубликованной повести, изменяя последние главы. Ему кажется, что теперь ответ на мучивший его вопрос найден: человек сам не в состоянии изменить ничего. Желая приобрести большую свободу выбора, он должен найти Учителя, которому не побоятся вручить свою жизнь.

* Успенский П. Д. Новая модель Вселенной. С. 18.

Прощание

Вокзал. Группа знакомых провожает Зинаиду Крутицкую и ее мать в Крым. Среди других провожающих — Иван Осокин, молодой человек лет двадцати пяти.

Осокин, видимо, волнуется, хотя старается не показывать этого. Зинаида разговаривает с братом, офицером, и с двумя барышнями, потом она поворачивается к Осокину; отходит с ним в сторону:

— Мне будет очень не хватать вас, — немножко капризно говорит она. — Я жалею, что вы не можете ехать с нами. Хотя мне кажется, вы не особенно хотите, иначе бы поехали. То, что вы остаетесь, очень мало похоже на все наши разговоры.

Иван Осокин волнуется все больше и, стараясь сдерживаться, с трудом говорит:

— Я не могу сейчас, но я приеду. Даю вам слово. Вы себе не можете представить, как мне трудно оставаться здесь.

— И не могу представить, и не верю. Когда человек чего-нибудь так хочет, как вы говорите, он делает. Я уверена, что у вас роман здесь, со знайте. С какой-нибудь из ваших учениц. Правда?

Она смеется.

Слова Зинаиды и ее тон болезненно задевают Осокина. Он хочет что-то сказать, но останавливается, потом говорит:

— Вы знаете, что это неправда, вы знаете, что я весь ваш.

— Откуда мне знать, — делая удивленный вид, говорит Зинаида, — у вас всегда какие-то дела. Вы всегда отказываетесь быть с нами. Никогда у вас нет времени для меня. И теперь мне бы так хотелось, чтобы вы поехали. Подумайте, как весело было бы ехать.

Она бросает шутливый взгляд на Осокина.

— Там, в Крыму, мы бы ездили верхом, купались, вы читали бы мне ваши стихи. А теперь мне будет скучно.

Она хмурится и отворачивается.

Осокин хочет что-то сказать, но не находит что и кусает губы.

— Я приеду, — говорит он.

— Приезжайте, — равнодушно отвечает Зинаида. — А все-таки что-то уже потеряно. Мне будет скучно ехать одной.

Она делает гримасу.

Осокин снова хочет что-то сказать.

— Я понимаю только настоящее, — живо говорит она. — Что мне от того, что будет когда-то? Вы этого не понимаете, вы можете жить будущим, а я — нет, не могу.

— Я все понимаю, и мне очень тяжело, но я ничего не могу сделать, — говорит Осокин. — А вы помните мою просьбу?

— Хорошо, я вам напишу. Только я не люблю писать писем. Много не ждите, лучше приезжайте скорей. Я буду вас ждать месяц, два месяца... потом перестану ждать.

Она смеется:

— Ну, пойдемте, мама о чем-то беспокоится.

Они подходят к группе у спального вагона.

Осокин с офицером, братом Зинаиды, идут к выходу вокзала.

— Что, Ваня, ты невеселый такой? — спрашивает тот. Осокину не хочется ни о чем говорить.

— Нет, я ничего, — все же отвечает он. — Надоела очень Москва, хорошо бы тоже уехать куда-нибудь.

Они выходят из дверей вокзала на площадь. Офицер останавливает извозчика, садится и уезжает.

Осокин долго стоит и смотрит ему вслед.

— Иногда мне кажется, что я что-то вспоминаю, — медленно говорит он про себя. — Иногда мне кажется, что я что-то забыл. Иногда кажется, что все было, когда-то раньше, прежде... Странно! — Потом он оглядывается кругом и словно пробуждается. — А она уехала. И я здесь один. Подумать только, что я мог бы теперь ехать с ней вместе. Но ведь это все, что я желал бы сейчас! Дорога на юг, к солнцу, и быть с ней два дня — и утром, и вечером! Потом каждый день видеть ее... И море и горы... Вместо этого я остаюсь здесь. И она даже не понимает, почему я не еду. Да если бы и понимала, мне от этого было бы нисколько не легче.

Он оглядывается еще раз на вокзал и, опустив голову, спускается с лестницы.

Три письма

Через три месяца у Ивана Осокина. Большая комната, которая сдается «с мебелью». Довольно убогая обстановка. Железная кровать со старым одеялом, умывальник, комод, дешевый письменный стол; на стене портрет Байрона и несколько рапир, маски, другие принадлежности фехтования. Иван ходит по комнате из угла в угол, очень расстроенный, с отвращением отшвыривает от себя попавшийся по дороге стул. Подходит к столу, вынимает из ящика три письма в узких длинных конвертах. Прочитывает письма одно за другим и кладет их обратно.

Первое письмо: «Благодарю за письма и стихи, они прелестны. Только я хотела бы знать, к кому они относятся. Не ко мне, в этом я уверена, иначе вы были бы здесь».

Второе письмо: «Вы еще помните меня! Право, мне часто кажется, что вы пишете по привычке или по какой-то обязанности, которую вы себе создали».

Третье письмо: «Я все помню, что я говорила. Два месяца подходят к концу. Не старайтесь оправдываться и объяснять. Что у вас нет денег, это я знаю. Но я их не просила. Здесь живут люди гораздо беднее вас».

Осокин ходит по комнате и опять останавливается у стола, говорит вслух:

— И больше она не пишет. Последнее письмо — месяц тому назад. А я пишу ей каждый день.

В дверь стучат. Входит приятель Осокина, молодой доктор Ступицын, здоровается и в пальто садится у стола.

— Что такое с тобой? У тебя ужасно скверный вид.

Подбегает к Осокину, шутя щупает ему пульс. Осокин, смеясь, отмахивается от него, но потом по лицу его пробегает тень.

— Скверно, Володя, — говорит он. — Не могу это ясно выразить тебе, но чувствую, что я отбилась от жизни. Вы все куда-то идете, а я остаюсь. Выходит так, что я хотел строить жизнь по-своему, а только изломал ее. Кто я теперь? Учитель фехтования и поэт, который пишет три стихотворения в год. Вы все идете обыкновенными путями, но перед вами жизнь и будущее. Я все время хотел лезть через заборы, и в результате и у меня, и передо мной ничего нет. Ах, если бы я мог начать сначала! Теперь я знаю,

как бы все сделал! Я не стал бы так бунтовать против жизни и швырять ей назад все, что она давала. Я знаю теперь, что нужно сначала подчиниться жизни, чтобы потом победить ее. У меня было столько возможностей, и столько раз все повертывалось в мою пользу. Но теперь больше ничего нет!

— Ты преувеличиваешь, — говорит Ступицын. — Какая разница между тобой и нами? Всем приходится не особенно сладко. Что у тебя случилось: что-нибудь неприятное?

— Ничего у меня не случилось, а только чувствую себя выброшенным из жизни.

Опять стучат в дверь. Входит хозяин квартиры, отставной чиновник, и просит денег за комнату. Он немножко выпивши и очень любезен. Осокин уговаривает его подождать. Когда хозяин уходит, Осокин с гримасой отворачивания машет рукой.

— Вот из этой маленькой борьбы с маленькими неприятностями состоит вся жизнь, — говорит он. — А ты что делаешь сегодня вечером?

— Я буду у Павловских в Сокольниках. Там будет обсуждаться проект кружка психологических исследований. Ты не пойдешь? Тебя, кажется, это интересует.

— Да, очень. Но меня не приглашали. Видишь, Володя, я говорю тебе, что я отбился от стада. Там круг людей, связанных с университетом. Зачем я им? Я среди них чужой, и посторонний, и ненужный. И так везде. Мне совершенно чужды три четверти ваших интересов, три четверти ваших разговоров. И это все чувствуют. Из любезности меня иногда приглашают. Но с каждым днем я чувствую, как эта пропасть растет.

Владимир Ступицын говорит что-то еще. Хлопает Осокина по плечу, берет у него свою книгу, за которой пришел, и уходит.

Осокин тоже одевается и хочет идти, но подходит к столу и стоит, задумавшись, в пальто и шляпе.

— Все было бы иначе, если бы я мог поехать, — говорит он. — И почему я в конце концов не поехал? Ведь доехать я мог бы. А там не все ли равно? Но как жить в Ялте без денег? Лошади, лодки... Все деньги и деньги. И нужно одеться. Не могу же я ехать туда в таком виде, как хожу здесь. Конечно, все это пустяки. Но если эти пустяки сложить вместе... А она не понимает этого, не понимает, что я не могу так жить там... И она думает другое, что я не хочу или что меня что-нибудь удерживает здесь. Неужели сегодня опять не будет письма?

Человек в синем пальто

Иван Осокин идет на почту справляться, нет ли писем до востребования. Писем нет. Выходя из почтового отделения, он сталкивается с господином в синем пальто. Осокин останавливается и смотрит вслед.

— Кто это такой? Где я его видел? Ужасно знакомое лицо, и даже это пальто я знаю. — Задумавшись, он идет дальше. На углу улицы он приостанавливается, пропуская проезжающую коляску, в которой сидят две дамы и мужчина. Осокин кланяется, но его не узнают, хотя, очевидно, видят.

Осокин смеется и идет дальше. На извозчике едет офицер, брат Зинаиды Крутицкой. Увидав Осокина, офицер делает приветственный жест рукой, потом останавливает извозчика, соскакивает и идет к нему. Берет его за пуговицу и начинает что-то оживленно рассказывать ему.

— Знаешь новость? Сестра выходит замуж за полковника Минского! Свадьба будет в Ялте, потом они хотят поехать в Константинополь и отсюда в Грецию. Я на днях еду в Крым. Кланяться от тебя?

Осокин весело отвечает ему в тон, смеется и пожимает руку.

— Кланяйся и передай мои поздравления.

Крутицкий говорит еще что-то, смеется и уезжает.

Осокин прощается с ним с веселым лицом. Но, когда тот отъезжает, его лицо меняется. Он идет, потом останавливается и стоит, смотря вдоль улицы и не обращая внимания на прохожих. Говорит сам с собой:

— Значит, вот что. Ну, теперь все понятно. Что же я должен делать? Поехать туда и вызвать на дуэль Минского? Хорошо, что я не поехал туда. Очевидно, это уже было решено. И я нужен был только для развлечения. Нет, это гадость! И я не смею так думать. И это неправда. Это все произошло потому, что я не приехал. И, конечно, теперь я никуда не поеду и ничего не сделаю. Она так решила. Какое я имею право быть недовольным? И, наконец, что я могу ей предложить? Разве я мог бы поехать с ней в Грецию?

Он идет дальше, потом останавливается, опять говорит сам с собой:

— Но ведь мне же казалось, что она любит меня! Сколько мы говорили! Ни с кем я не мог говорить так, как с ней. И она такая необыкновенная! А Минский — обыкновеннейший из обыкновенных и читает «Новое время». Но не сегодня-завтра он — человек с положением. А меня даже не находят нужным узнавать ее же знакомые. Нет, я не могу, я должен или уехать куда-нибудь, или... Я не могу здесь оставаться.

Конец романа

Вечер. Осокин у себя. Он пишет письмо Зинаиде Крутицкой, но листок за листком рвет и начинает новое. Временами он вскакивает и ходит по комнате. Потом опять пишет. Наконец бросает перо и в изнеможении откидывается на спинку стула.

— Ничего я не могу написать. Я писал ей целые дни и целые ночи. Теперь во мне все оборвалось. Если все прежние письма ничего не сказали ей, это тоже ничего не скажет. Не могу больше.

Он медленно встает, точно ничего не видя вокруг себя, достает из стола револьвер, патроны, заряжает револьвер, кладет его в карман. Надевает пальто, шляпу. Гасит лампу и уходит.

У волшебника

Иван Осокин приходит к своему знакомому волшебнику.

Это — добрый волшебник, и у него всегда есть хороший коньяк и сигары.

Волшебник — сгорбленный старичок, ходит с палочкой. Очень острый и пронизательный взгляд. Одет во все черное и в маленькой черной шапочке.

Большая комната заставлена книжными шкафами и странными аппаратами — ретортами, колбами всевозможных форм и величин, скелетами редких животных. На столе песочные часы. На спинке кресла волшебника спит большой черный кот.

Осокин с волшебником сидят у камина. Осокин сумрачен и смотрит в огонь. Когда он особенно глубоко задумывается, волшебник говорит:

— Милый друг, этому теперь уже нельзя помочь.

Осокин вздрагивает и смотрит на волшебника:

— Откуда вы знаете, о чем я думал?

— Я всегда знаю, что вы думаете.

Осокин ломает пальцы.

— Да, я знаю, что теперь помочь нельзя, — говорит он. — Но если бы только я мог вернуть несколько лет этого несчастного времени, которое уже не существует, вы же сами всегда говорите — вернуть все те возможности, которые мне давала жизнь и которые я бросал. Если бы я только мог...

Старик берет с большого стола песочные часы, встряхивает их, переворачивает, смотрит, пока бежит песок, и говорит:

— Все можно вернуть, все, — только и это не поможет.

Осокин, плохо слушая его, весь поглощенный своими мыслями, говорит:

— Если бы я только знал, если бы я только знал, к чему я приду? Но я так верил себе, верил в свои силы. Я хотел идти своим собственным путем, и я ничего не боялся и ни о чем не жалел. Я бросал все, чем дорожат люди, и ни разу не оглянулся назад. Но теперь я чувствую, что я отдал бы полжизни, чтобы вернуться назад и стать, как все.

Он встает и ходит по комнате. Старик сидит и смотрит на него, слегка кивая головой и улыбаясь. В его взгляде — усмешка и ирония, но не злобная, а полная понимания, сочувствия и сожаления, точно он хочет, но не может помочь.

— Я всегда надо всем смеялся, и мне даже нравилось, что я так ломал свою жизнь. Я чувствовал себя сильнее других. Меня ничто не могло

сломать, ничто не могло заставить признать себя побежденным. Я и теперь не побежден. Только я больше не могу бороться. Я попал в какую-то трясицу. Я не могу сделать ни одного движения. Вы понимаете меня. Я должен сидеть и смотреть, как меня засасывает.

Старик сидит и смотрит на него.

— Почему это так вышло? — спрашивает он.

— Почему? Вы прекрасно знаете. Я очутился за бортом с того момента, как меня исключили из гимназии. Уже одно это изменило всю жизнь. Поэтому я теперь какой-то чужой для всего. Возьмите всех моих товарищей: кто кончает университет, кто кончил, кто еще студент. Но у них у всех определенная и твердая почва под ногами. Я жил в десять раз больше их, знаю, читал, видел в сто раз больше. И все-таки я такой человек, который нуждается в снисхождении. Я не понимаю их разговоров. Я — чужой. На прошлой неделе три глупые курсистки доказали мне, что мне нужно читать Маркса...

— И это все? — спрашивает старик.

— И все, и не все. У меня были другие шансы. Но все летело одно за другим. Первое все-таки самое важное. Как ужасно, что еще детьми или полудетьми мы можем делать то, что отражается на всей жизни, меняет всю дальнейшую жизнь. Ведь то, что я сделал в гимназии, была простая шалость, от скуки. И если бы я знал и понимал, что будет дальше, разве я сделал бы это?

Старик утвердительно кивает головой.

— Сделали бы, — говорит он.

— Никогда.

Старик смеется.

Осокин ходит по комнате, останавливается, говорит опять:

— Потом дальше. Зачем я поссорился с дядей? Старик был искренне расположен ко мне, но я точно нарочно дразнил его и по целым дням пропадал в лесу с его воспитанницей. Правда, Танечка была необыкновенно милая, и мне было шестнадцать лет, и мы так удивительно хорошо целовались с ней, и во всем этом было что-то очень солнечное. Но старик смертельно обиделся, когда поймал нас в столовой. К чему все это было? Если бы я знал, что из этого выйдет, разве бы я не остановился?

Старик смеется:

— Вы знали.

Осокин стоит со смеющимся лицом, точно видя что-то вдали или вспоминая.

— Может быть, и знал, — говорит он, — только это казалось так увлекательно тогда. Но, конечно, этого не следовало делать. И если бы я точно знал, разумеется, я держался бы подальше от Танечки.

— Вы совершенно ясно знали, — произносит старик. — Подумайте, и вы увидите.